

УДК 82(091):39

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ Ф.Д.НЕФЕДОВА (ПОЭТИКА НАРОДНИЧЕСКОГО ТРАВЕЛОГА)

© 2016 В.Н.Крылов

Крылов Вячеслав Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации. E-mail: krylov77@list.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

В статье рассматривается поздний этап народнической беллетристики начала 1890 – х годов в аспекте актуальной на рубеже веков проблемы углубленного познания России. Предметом непосредственного анализа становятся путевые очерки забытого ныне писателя-этнографа Ф.Д.Нефедова. В статье раскрываются некоторые особенности поэтики народнического травелога (фигура повествователя, композиционный принцип контраста, конфликт в пределах отдельной сцены и т.д.), своеобразие проявления авторской позиции и синтетичность жанровой структуры. В поэтике путевых очерков Нефедова отразились как идеологическая позиция автора, так и зреющие в русской литературе новые тенденции документально-художественных жанров.

Ключевые слова: травелог, народничество, Ф.Нефедов, Россия, повествователь-рассказчик, Волга, композиционный контраст.

Экстенсивность художественного сознания как характерное свойство русской литературы конца XIX – начала XX в. проявилась в том, что одной из самых острых тем литературы становится тема России, ее географического и исторического своеобразия, ее настоящего и будущего. Этот поворот русской литературы к теме углубленного постижения России проявился, в том числе и в активизации разного рода художественно-документальной литературы, относимой к жанру травелога. Редкий «толстый журнал» того времени не публиковал разного рода путевые очерки, этнографические циклы путевых заметок о жизни и быте разных уголков России, причем самых удаленных и менее всего освоенных в литературе.

Для изучения позднего этапа народнической литературы представляет интерес путевая проза ныне почти забытого беллетриста-народника, журналиста, этнографа Филиппа Диомидовича Нефедова (1838–1902). Особый колорит прозе Нефедова придает то, что всю жизнь он занимался изучением устного народного творчества, участвовал в экспедициях по Волге и в Оренбург, Уфимскую губернию, на Урал, на Кавказ, в Крым, занимался этнографическими и археологическими исследованиями. Это, в свою очередь, порождало в творчестве особый синтез жизненных впечатлений и научных наблюдений и выводов и придало ему черты непосредственной документальности «факта». Сюжеты, ситуации произве-

дений Нефедов, как правило, черпал из своих поездок по России. Сама народническая установка как бы побуждала писателя использовать возможности жанра путешествий.

Обратимся к поздним очеркам и наброскам Нефедова «Весною», опубликованным в журнале «Наблюдатель» (1894, №№ 1, 2) с авторской дефиницией «очерки и зарисовки». Этот текст нужно рассматривать как составной элемент такого структурно-жанрового образования, как «путешествие по Волге». «Это жанровая дефиниция путевого очерка, описывающего Волгу (часто с верховья до низовых губерний и «Букеевской Орды»), ее природу, города и народы, населяющие «Великую реку» [1].

Говоря о путешествии по реке, необходимо при анализе травелога учитывать его *природную обусловленность*, проявляющуюся в социально-бытовой специфике, точке зрения путешественника» [2]. Путешествие по реке дарует особое психологическое состояние. О преимуществах водного путешествия (и особенно по Волге) замечательно писал В.В.Розанов в путевом очерке «Русский Нил» (так он называл Волгу): «Мерные удары колес по воде не утомляют вас, потому что это ново. Эти удары – мягкие, влажные. Ими почти наслаждаешься, как простым проявлением движения и жизни после того вечного стука и лязга железа о железо или о камень, от которого никуда нельзя скрыться в Петербурге и в Москве

и который истощает и надрывает всяческое терпение» [3].

Пространственно-временные рамки сюжета путевых заметок Нефедова определены в соответствии с жанром травелога *маршрутом*: перед читателем развернуто описание путешествия вниз по Волге – от Нижнего Новгорода до Самары. Все действие происходит на пароходе «Левиафан», путешественники не выходят в города, где останавливается пароход, а наблюдают за изменениями с палубы парохода или из окна каюты. Состав попутчиков меняется, кто-то выходит на своей станции, но появляются новые лица. Основное место уделено описанию быта и времяпрепровождения пассажиров разных классов, а также их разговоров в пути.

Первый ключевой мотив можно назвать *предвосхищением путешествия* – это описание того подъема, которое испытывает рассказчик перед поездкой. В путевых очерках Нефедова, как правило, это дано в лирической форме как радостная возможность отойти хоть на время от будней столичной жизни и оказаться в мире природы, свободы, непосредственного ощущения жизни.

Автор в путевых очерках Нефедова не обнаруживает себя как путешественник, непосредственный участник событий, многочисленных бесед пассажиров. Авторская позиция выражается прежде всего через *композиционный контраст*. Это контраст социальный, контраст здоровья, веселья и печали, болезни, мужского и женского мира. Сам способ изображения пути, находящихся на корабле различных типов пассажиров, их реакций на увиденное по берегам Волги, характер диалогов и пространственных монологов приобретает явную социальную злободневность. Сюжет разворачивается параллельно, мы оказываемся то среди пассажиров первого и второго, то третьего класса. Этот прием параллелизма позволяет подчеркнуть, выделить авторскую позицию. Это попытка показать два совершенно разных мира. Так, контраст народного мира и привилегированного сословия передается через различие *тематики* их разговоров. В первом классе ведутся разговоры о воспитании, образовании, искусстве, о современном положении дворян. Совсем другие разговоры – среди пассажиров третьего класса. Здесь говорят о погодных приметах, о засушливой весне, о том, что «коли дождей не выпадет, хлебушка ничего не уродится» [4], а также о том, почему «столько начальства развелось» (№1, с. 140). А еще все выслушивают рассказ старика о «знамениях времени» перед пришествием антихриста» (№1, с. 140) (с

народным «сюжетом» связаны в очерке Нефедова многочисленные этнографические элементы).

Разделяя общие почты для всех народников просветительские и моральные ценности Руссо, «веру в добродетель простых людей, его мысль, что причина морального разложения общественных институтов – их изношенность, его острое недоверие ко всем формам умствования, к интеллектуалам, специалистам, всем самоизолировавшимся кружкам и фракциям» [5], Нефедов дает описание радостного солнечного утра (вблизи Симбирска), реки и окружающего ландшафта. Но если третий класс уже не спит, там пробуждаются вместе с первыми лучами солнца, то первый класс еще «почивает» до десяти часов, а Казань, например, «проспал».

Среди попутчиков есть те, кто пытается приблизиться к народу, как-то ему «послужить». Эта сюжетная линия занимает особое место в структуре текста. На наш взгляд, именно в ней находит воплощение центральная идея народничества, идея социальной справедливости и социального равенства, значимая и на позднем его этапе.

Среди пассажиров «Левиафана» выделяется Анна Николаевна, богатая женщина-врач. В ее речах заметна народническая риторика. Она отправилась на восток, чтобы принести пользу переселенцам, среди которых много больных и голодающих. Своей собеседнице Соничке она признается, что хочет посвятить свою жизнь этим «несчастливым» людям. Реализует ли она свою мечту, остается неизвестным: очерк завершается прибытием в Самару. Но по ходу путешествия читатель становится свидетелем попыток интеллигенции прислушаться к народу, как-то понять его. И Соничка, и Анна Николаевна оказываются в числе слушательниц в третьем классе, где рассказываются народные легенды о Степане Разине. Вот итоговый вывод, который делает Анна Николаевна: «Народ живет своею жизнью, у него особое мировоззрение, свои идеалы и верования. Мы чужды народу, он сторонится нас и остается по-прежнему сфинксом, хотя мы притворяемся, что знаем его, – у нас так много о народе пишут и говорят» (№2, с. 249).

Таким образом, встреча интеллигенции и народа в сюжете не состоялась, есть только попытка приблизиться к нему. Анна Николаевна советует Соничке заняться миссионерской деятельностью, проповедью евангелия среди «иногородцев». Но этот потенциальный поворот сюжета остается за пределами очерка. И если Соничка уже добралась до конечной остановки своей поездки – Самары, то Анна Николаевна еще в пути:

«...она спешит на станцию железной дороги, паровоз умчит ее в Оренбург, а потом – далекий путь на лошадях, беспредельные степи, всюду номады, русские переселенцы, больные и в нищете...» (№2, с. 253).

Однако вряд ли правомерно все содержание сводить лишь к выражению народнических представлений. Скорее всего, Нефедов пытается, пусть и в эскизной форме, дать как бы социопсихологический портрет человеческого сообщества в миниатюре, современной жизни вообще. Здесь сразу выделяются свои лидеры, «водители» (причем, как среди первого, так и среди третьего класса. Выделяются и те, кто не принадлежал ни к какому кружку. Не для всех путешествующих поездка оказывается радостным событием: есть больные пассажиры, отправившиеся на лечение. Этот контраст здоровья, полноты жизни и болезни особенно заметно выступает на фоне величественной реки.

Предметный мир путевого очерка по Волге непредставим без образа самой реки и подробностей открывающихся окрестностей с движущегося парохода. В современных культурологических исследованиях вода и река рассматриваются как древнейшие архетипы, повлиявшие на становление национальных картин мира, а Волга выступает как «культурообразующая категория русской ментальности» [6]. В путевой очерк Нефедова включаются описания волжского речного ландшафта, данные сквозь призму народно-поэтических представлений и авторского лирического отношения. Художественными средствами Нефедов стремится передать особенности поволжских городов, каждый из которых совершенно неповторим. Перед читателем последовательно открываются с движущегося корабля поволжские города и прибрежные поселки: Нижний Новгород, Васильсурск, Казань, Тетюши, Симбирск, Ставрополь, Жигули, Самара.

Река, как известно, с древнейших времен выступает и как порождающее начало, основа жизни, но в ней есть и танатологическое проявление, она может уничтожить, погрузить в себя.

Волга, какой она предстает со страниц очерков Нефедова, тесно связана с фольклором, с героями многих легенд, народных поверий и песен, которые звучат с нижней палубы (легенда о Девьей горе, рассказывающей о том, как красавица, отвергнутая любимым, бросилась с горы в Волгу-матушку; предание о человеке, который в Жигулевских горах встретил богатыря Степана Разина).

Когда появляются Жигулевские горы, всех пассажиров, независимо от «класса», охватывает особое воодушевление. И, как подчеркивает повествователь, даже лица сделались «лучше и добрее». Перед возвышенной красотой все на какое-то мгновение забывают и о социальных распрях, тяготах жизни, о болезнях.

Таким образом, путевые очерки Ф.Д.Нефедова несут в себе черты народнической идеологии, проявляющейся в социальной заостренности, в авторской оценочности персонажей и ситуаций, в контрастности различных «классов» пассажиров (различия тематики диалогов, реакций на окружающий ландшафт и т.д.). Вплетение образа Волги в повествование обогащает жанровую структуру, придает тексту сильно выраженное лирическое начало. Этнографические и фольклорные элементы выполняют в тексте двойную функцию. Они служат средством раскрытия богатой духовной памяти народа, а также имеют для автора-этнографа самостоятельную ценность. Сюжетно они обусловлены маршрутом путешествия и возникающими по ходу фольклорно-поэтическими «воспоминаниями», своего рода «рассказами в рассказе».

Разумеется, путевые очерки Нефедова остаются текстом, принадлежащим к беллетристике, но это не умаляет их познавательной ценности и значения в литературном процессе рубежа XIX–XX вв. Как мы полагаем, этот же статус (подготовительная функция беллетристики) позволяет увидеть в поздненародническом очерке те тенденции, которые в полной мере проявятся в русской литературе начала XX в., в том числе и у больших мастеров жанра травелога.

1. Сарбаш, Л.Н. «Путешествие по Волге» в русской литературе XIX века: «Куль хлеба и его похождения» С.В.Максимова // Филологические науки. Вопр. теории и практики. 2012. №5(16). С. 158.
2. Милюгина Е.Г., Строганов, М.В. Путешествие и его природная обусловленность // Русский травелог XVIII–XX веков: коллективная монография. Новосибирск, Изд-во НГПУ, 2015. С. 128.
3. Розанов, В.В. Русский Нил // Новый мир. 1989. №7. С. 193–194.
4. Нефедов, Ф.Д. Весною: очерки и наброски // Наблюдатель. 1894. №1. С. 139. Далее в тексте после цитаты указан номер журнала и цитируемая страница.
5. Берлин, И. История свободы. Россия. 2-е изд. М., Новое литературное обозрение, 2014. С. 305.

6. Кусмидинова, М.Х. Концепт Волги в историко-культурном развитии России: философский анализ. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Астрахань, 2010. С. 13.

THE TRAVEL ESSAYS OF F.NEFEDOV (POETICS OF POPULIST TRAVELOGUE)

© 2016 V.N.Krylov

Viacheslav Nikolaevich Krylov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology and Crosscultural Communication. E-mail: krylov77@list.ru

Kazan (Volga Region) Federal University

The article deals with the late stage of populist fiction of the beginning of 1890-s in the aspect of the issue of in-depth cognition of Russia, which was topical on the turn of the century. The subject of the direct analysis is the travel essays of the writer-ethnographer F.Nefedov, who is forgotten nowadays. The article describes some of the features of the poetics of the populist travelogue (the figure of the narrator, the compositional principle of contrast, the conflict within a single scene, etc.), the originality of the demonstration of the author's position and syncretic genre structure. Both ideological position of the author and new trends of documentary fictional genres ripening in Russian literature are reflected in the poetics of Nefedov's travel essays.

Key words: travelogue, populism, F.Nefedov, Russia, the narrator-traveler, the Volga, compositional contrast.

1. Sarbash, L.N. «Puteshestvie po Volge» v russkoi literature XIX veka: «Kul' khleba i ego pokhozhdeniia» S.V.Maksimova ("Travel across the Volga" in Russian literature of the 19th century: "Sack of bread and its adventure" S.V.Maximova) // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2012. №5(16). С. 158.
2. Miliugina E.G., Stroganov, M.V. Puteshestvie i ego prirodnaia obuslovlennost' (Travel and its natural conditionality) // *Russkii travelog XVIII–XX vekov: kollektivnaia monografiia*. Novosibirsk, Izd-vo NGPU, 2015. S. 128.
3. Rozanov, V.V. Russkii Nil (Russian Neil) // *Novyi mir*. 1989. №7. S. 193 – 194.
4. Nefedov, F.D. Vesnoi: ocherki i nabroski (In the springtime: sketches and essays) // *Nabliudatel'*. 1894. №1. S. 139. Dalee v tekste posle tsitaty uka-zan nomer zhurnala i tsitiruemaia stranitsa.
5. Berlin, I. Istoriiia svobody. Rossiia (History of freedom. Russia). 2-e izd. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. S. 305.
6. Kusmidinova, M.Kh. Kontsept Volgi v istorikokul'turnom razvitii Rossii: filosofskii analiz (Concept of the Volga in historical and cultural development of Russia: philosophical analysis): avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk: 24.00.01. Kusmidinova Mariia Kharisovna. Astrakhan', 2010. S. 13.